

Квартира в пятиэтажке

Григорий Кудряшов
Квартира в пятиэтажке

«Автор»

2026

Кудряшов Г. Д.

Квартира в пятиэтажке / Г. Д. Кудряшов — «Автор», 2026

Марина Ковалёва — учительница начальных классов, вдова, мать двоих взрослых детей. Она привыкла быть тихой и незаметной. Но когда умирает её мать Галина Петровна, в запущенной квартире на пятом этаже собирается вся семья. Семён, погрязший в криптодолгах, видит в наследстве спасение. Лера, эскортница из Москвы, — шанс начать новую жизнь. Андрей, двадцать четыре года назад ушедший за хлебом и не вернувшийся, — способ наконец закрепиться. А ещё — троюродный грузинский родственник Атар, уверенный, что за шифоньером спрятано фамильное золото. И старая тётя Тоня, готовая биться кочергой за каждый сантиметр. Квартира становится полем боя. Но когда утром дрон-камикадзе влетает в окно, стирая в пыль и стены, и ссоры, — у разбитого корыта остаются только люди. И кот Барсик, который всегда знал, кто здесь настоящий хозяин. Ироничная и горькая история о том, как война за квадратные метры превращает родных в чужих — а потеря всего учит быть семьёй.

© Кудряшов Г. Д., 2026

© Автор, 2026

Григорий Кудряшов

Квартира в пятиэтажке

Квартира в пятиэтажке

Глава 1

Город Z — один из тех городов, которых в России тысячи. Не областной центр, не районный центр даже, а так — город при заводе. Завод закрылся в девяностые, но город остался. Пятиэтажки, две школы, три детских сада, поликлиника, в которой всё ещё работает регистратура с окошком, и магазин «Продукты», где продавщица Таня помнит всех по именам и знает, кто сколько выпивает.

Утро. Суббота. Сентябрь.

Окна на пятом этаже крайней пятиэтажки на улице Строителей, дом 7, подъезд 3, квартира 47.

Если бы можно было снять квартиру целиком и подать её в суд как вещественное доказательство эпохи, она бы выиграла процесс без права на обжалование.

Коридор. Узкий, как рукав. На стене — вешалка с тремя крючками. Два свободных, на третьем висит плащ, который помнит перестройку. Под плащом — галоши. Рядом с галошами — палка с резиновым наконечником. Палкой никто не пользуется, но она стоит, потому что «на всякий случай». Какой случай имела в виду хозяйка — неизвестно, но палка стояла здесь тридцать лет и, судя по всему, собиралась стоять ещё столько же.

Кухня. Шесть квадратных метров, из которых два заняты холодильником «Минск-1967», который гудит так, будто собирается взлететь. Плита с духовкой, на которой всегда стоит чайник. На стене — полотенце с вышитыми петухами. На подоконнике — герань. Три горшка. Герань цвела круглый год, потому что Галина Петровна разговаривала с ней каждое утро.

— Здравствуйте, мои хорошие, — говорила она, открывая форточку. — Чуете, какой воздух? Осенью самый лучший. Не то что летом — одна пыль.

Герань молчала, но, судя по тому, как она цвела, разговоры ей нравились.

Комната. Она же гостиная, она же спальня. Пятнадцать метров. Диван с пружинами, которые когда-то были пружинами, а теперь напоминали горный рельеф. На диване — покрывало с бахромой. Над диваном — ковёр. Олени. Пять штук. Они перепрыгивали через ручей, и этот ручей был на ковре уже сорок лет, но олени всё ещё не могли его перепрыгнуть.

Люстра. Три плафона, один отсутствовал. Лампочка в патроне торчала наружу, и Галина Петровна говорила, что это «дизайнерское решение». В том, что она говорила слово «дизайнерское», было столько иронии, что её хватило бы на целый журнал об интерьере.

Шифоньер. Старый, дубовый, с резными ножками. Он занимал всю стену. Верхние ящики не открывались с 1985 года, потому что кто-то заклеил их клейкой лентой «во время ремонта». Ремонт так и не закончили, лента пожелтела, но ящики остались заклеенными. В шифоньере хранилось всё: от зимних шапок до паспорта, от старых фотографий до банок с соленьями, которые Галина Петровна закатывала каждое лето, хотя соль у неё кончилась три года назад.

Барсик.

Барсик сидел на подоконнике в кухне и смотрел на улицу. Он был старым котом. Настолько старым, что его возраст давно перестали измерять годами и начали измерять количеством пережитых им хозяек. До Галины Петровны была другая хозяйка — мать Галины Петровны. Под конец жизни был подарен ей будучи совсем котёнком. Барсик помнил её смутно, как кошмарный сон о тёплой плите и мурлыканье.

Барсик был рыжим. Рыжим настолько, что в сумерках казалось, будто в квартире горит одна-единственная лампочка, которая почему-то ходит по комнате. Шерсть его была густой, но

кое-где вылезла — возраст. Один глаз смотрел чуть в сторону, что придавало ему выражение вечного скептицизма.

Барсик не был красивым котом. Барсик был величественным котом.

Сейчас он сидел на подоконнике и наблюдал за тем, как Галина Петровна возится с тестом. Она пекла пирожки. С картошкой. Каждую субботу. Потому что «суббота — день пирожков, и не надо мне тут с вашими диетами».

— Барсик, — сказала Галина Петровна, вытирая руки о фартук. Фартук был в горошек и тоже помнил перестройку. — Барсик, ты бы хоть мяукнул, что ли. А то сидишь, как сфинкс египетский. Тоже мне, фараон нашёлся.

Барсик не мяукнул. Он только повёл ухом. Этого было достаточно. Галина Петровна поняла, что кот её слышит, и продолжила раскатывать тесто.

— А знаешь, Барсик, — сказала она, ловко бросая начинку в лепёшку, — а ведь я сегодня встала и подумала: а что, если квартиру на тебя переписать? А? Ты хоть не сволочь. В отличие от некоторых.

Она засмеялась. Смех у Галины Петровны был громкий, раскатистый, такой, что соседи снизу стучали по батарее. Она не обижалась. Она стучала в ответ.

— Серьёзно говорю, — продолжала она, закрывая пирожок и ставя его на противень. — Позвоню Валерке-нотариусу. Он мне прошлый раз говорил: «Галина Петровна, всё можно оформить, даже на кота». Я тогда посмеялась, а теперь думаю: а почему бы и нет? Ты у меня, Барсик, единственный, кто меня не предал. Кто не просил денег. Кто не говорил, что я старая и что мне пора в дом престарелых.

Голос её дрогнул на последней фразе, но только на секунду. Потом она снова улыбнулась и подмигнула коту.

— Ладно, шучу я. Куда тебе, коту, квартира? Ты же даже дверь открыть не сможешь. А если откроешь — что ты там будешь делать? Мышей ловить? Так у нас мышей нет. Сама всех вывела.

Барсик моргнул. Медленно, с достоинством. Он не любил, когда о нём говорили в таком тоне. Он был не просто кот. Он был хранитель. Хранитель этой квартиры, этих стен, этого запаха пирожков. Но об этом никто не знал. Даже Галина Петровна.

— Ну всё, — сказала Галина Петровна, ставя противень в духовку. — Через двадцать минут будут готовы.

Галина Петровна выключила духовку, вытерла руки о фартук и прошла в комнату. На стареньком «Горизонте», который гудел так, будто вот-вот развалится, показывали новости. Диктор говорил что-то про специальную операцию, про очередной прилёт в соседней области, про то, что всё идёт по плану. Галина Петровна присела на край дивана, посмотрела на экран, где показывали дымящиеся руины того, что ещё вчера было домом, и покачала головой.

— Господи, — сказала она, крестясь. — Когда ж это закончится? Когда ж вы, дураки, угомонитесь? Война — она не по телевизору. Она — когда у тебя дом разбомбили, а ты на пепелище сидишь и не знаешь, куда идти.

Она переключила канал. Там показывали кулинарное шоу. Галина Петровна улыбнулась.

— Вот это другое дело. Смотри, Барсик, как готовить. Может, и ты научишься, а то всё из миски да из миски.

Барсик, сидевший на подоконнике, даже не повернул головы. Он смотрел в окно, на улицу, где ничего не происходило. Галина Петровна выключила телевизор, подошла к окну, взяла тряпку.

— Ладно, — сказала она. — Помою окна. А то засиделась.

Она посмотрела в окно. Окна в кухне выходили на двор. Двор был обычный: детская площадка с ржавыми качелями, лавочки, на которых сидели такие же старушки, как она, и голуби. Много голубей.

— Смотри, Барсик, — сказала она, — солнце-то какое. А я всё окна не мою. Руки не доходят. А сегодня дошли. Суббота же. Уборка.

Она налила в таз воды, взяла тряпку и полезла на подоконник.

— Ты подвинься, царь небесный, — сказала она коту.

Барсик нехотя сполз с подоконника и устроился на стуле, наблюдая за хозяйкой.

Галина Петровна открыла окно. Подул свежий ветер. Она высунулась наружу, протараторила тряпкой по стеклу, потом по раме, потом по откосу. Она делала это быстро, ловко, с той сноровкой, которая вырабатывается за пятьдесят лет жизни на пятом этаже без лифта.

— Ах ты, — сказала она, заметив пятно на внешней стороне стекла. — Как ты там оказалось? Ну, погоди, я тебя сейчас...

Она высунулась ещё дальше. Почти по пояс.

Ветер усилился. Барсик на стуле напрягся. Он смотрел на хозяйку своими разнонаправленными глазами и что-то чувствовал. Что-то нехорошее. Он издал тихий, тревожный звук — не мяуканье даже, а скорее скрежет.

— Чего ты? — сказала Галина Петровна, не оборачиваясь. — Не бойся, я не упаду. Я эти окна...

Она не договорила.

Она не упала. Она просто закончила мыть окно, аккуратно слезла с подоконника, вытерла руки и сказала:

— Ну всё, Барсик. Порядок.

Потом она посмотрела на часы. Пирожки должны были быть готовы через десять минут.

— Знаешь что, — сказала она, — я прилягу. Что-то устала сегодня. Ты присмотри, ладно? Как зазвонит таймер — разбудишь.

Она улыбнулась коту, прошла в комнату, легла на диван с пружинами, накрылась покрывалом с бахромой и взяла с тумбочки газету «Вестник ЗОЖ». Заголовок на первой полосе гласил: «Как прожить до ста лет: советы столетнего долгожителя из Тульской области».

Галина Петровна прочитала заголовок, усмехнулась и закрыла глаза.

— Вот и я про то же, — сказала она.

Таймер на кухне прозвенел через десять минут. Барсик спрыгнул со стула, прошёл в комнату и запрыгнул на диван.

Галина Петровна не шевелилась.

Барсик потрогал её лицо лапой. Она не проснулась. Он потрогал ещё раз, настойчивее. Потом лизнул её руку.

Рука была тёплой. Но не такой тёплой, как всегда.

Барсик сел на её грудь, свернулся клубком и закрыл глаза.

Пирожки остывали на противне. Герань на подоконнике наклонила головки, будто тоже что-то поняла. В холодильнике «Минск-1967» продолжал гудеть, как будто ничего не случилось.

В квартире №47 по улице Строителей, дом 7, подъезд 3, наступила тишина.

Глава 2. Новостной обрывок

Два дня спустя.

Участковый Игорь Викторович Бобров сидел в отделении и пил чай с зефиром, когда ему позвонили. Звонила соседка снизу, Людмила Сергеевна, та самая, которая стучала по батарее, когда Галина Петровна громко смеялась.

— Игорь Викторович, — сказала Людмила Сергеевна голосом, в котором тревога смешивалась с торжеством (она всегда хотела быть первой, кто сообщает о важных событиях),

— что-то у Галины Петровны свет горит и днём и ночью, и дверь не открывают. И вчера, и сегодня. Я стучала — никто не отвечает.

— Может, уехала куда? — лениво спросил Бобров.

— Куда она уедет? У неё пенсия — десять тысяч. Она на эти деньги только до магазина доезжает. И Барсик её там орал вчера. Орал, Игорь Викторович. Не по-хорошему орал.

Бобров вздохнул. Он не любил такие вызовы. Потому что они часто заканчивались плохо. А он не любил плохие концы. Особенно в субботу.

— Ладно, — сказал он. — Подойду.

Через час Бобров стоял перед дверью квартиры №47. С ним был слесарь дядя Вася, которого подняли с грядок. Дядя Вася был зол, потому что у него картошка цветёт, а его оторвали.

— Вскрывай, — сказал Бобров.

Дядя Вася вскрыл дверь за три минуты. Он вообще умел вскрывать любые двери. В городе ходила легенда, что дядя Вася может вскрыть даже сейф в банке, если ему дать отвёртку и полчаса.

В квартире пахло пирожками. Остывшими, но всё ещё пирожками.

— Галина Петровна? — позвал Бобров, входя в коридор.

Тишина.

— Галина Петровна! — повторил он громче.

Барсик вышел из комнаты. Он шёл медленно, с достоинством, как будто вёл их за собой. Он дошёл до дивана, запрыгнул на него и сел рядом с Галиной Петровной.

Она лежала с газетой на груди. «Как прожить до ста лет» — гласил заголовок.

— Ну вот, — сказал Бобров, снимая фуражку. — Дожила.

Дядя Вася перекрестился.

— Царствие небесное, — сказал он. — Хорошая бабка была. Пирожки пекла. Я их через стенку чувствовал.

Бобров достал телефон и начал обзванивать.

Первым в списке контактов, который нашёлся в записной книжке Галины Петровны (бумажной, в коричневой обложке, с карандашными пометками на полях), значился «Семён (внук, телефон)».

Бобров набрал номер.

Семён, он же Семён Андреевич Ковалёв, сидел в арендованном подвальном помещении на окраине города-миллионника, в трёхстах километрах от города Z. На трёх мониторах перед ним мелькали графики, цифры, красные и зелёные свечи. Криптовалютная биржа жила своей жизнью, и эта жизнь была похожа на сердечный приступ.

Семёну было двадцать четыре года. Он был худым, бледным, с вечными кругами под глазами и привычкой грызть колпачки от ручек. Он носил толстовку с капюшоном, даже когда было тепло, и считал, что это делает его похожим на Стива Джобса.

На самом деле он был похож на студента-заочника, который забыл, когда в последний раз выходил на солнце.

Бизнес Семёна назывался «арбитраж криптовалют». Если говорить проще, он покупал дешево, продавал дорого, но на разных биржах и с плечом. Иногда это работало. Иногда — нет. Последний месяц не работало.

На экране горела красная цифра: -312 440 #.

Семён смотрел на неё и чувствовал, как в желудке сворачивается холодная, липкая пустота. Это был не его личный убыток — это был убыток клиентов. Клиентов, которые поверили ему. Клиентов, которые вложили последнее. Клиентов, которые, возможно, уже обзванивали знакомых из «нужных» структур.

Завибрировал телефон.

Семён посмотрел на экран. Незнакомый номер. Город Z.

— Да, — сказал он.

— Семён Андреевич? — раздался в трубке голос. — Вас беспокоит участковый уполномоченный Бобров из города Z. Ваша бабушка, Галина Петровна Ковалёва, скончалась два дня назад. Соболезную.

Семён замер.

На экране цифра -312 440 # мигнула и обновилась: -318 200 #.

— Что? — переспросил Семён.

— Скончалась, говорю. Галина Петровна. Ваша бабушка. Вам нужно приехать для оформления документов.

Семён отключил телефон. Посмотрел на экран. Посмотрел на потолок подвала, на котором была трещина, похожая на карту мира — точно такая же, как в бабушкиной квартире.

— Бабушка, — сказал он вслух. — Бабушка умерла.

Потом он посмотрел на цифру убытка. Потом на телефон. Потом снова на цифру.

— Квартира, — сказал он. — У неё же есть квартира.

Он встал из-за стола, прошёлся по подвалу, вернулся, сел. В голове у него быстро, как шахматный движок, просчитывались варианты. Квартира в пятиэтажке. Не в центре. Старый ремонт. Но это — квадратные метры. Это — актив. Это — то, что можно продать, сдать, использовать как залог.

Он снова посмотрел на убыток.

— Квартира, — повторил он.

И начал собираться.

Лера, она же Валерия Андреевна Ковалёва, сидела в ресторане «La Maison» в центре Москвы. Ресторан был дорогим, настолько дорогим, что меню не имело цен — для тех, кто спрашивает «сколько стоит», эти места не предназначены.

Лере было двадцать семь. Высокая, стройная, с длинными тёмными волосами и маникюром, который стоил больше, чем бабушкина пенсия за полгода. Она была красива той красотой, которая требует постоянных инвестиций: фитнес, косметолог, правильное питание, правильный свет, правильные люди.

Она была эскортницей. Она предпочитала слово «сопровождение», но в мыслях называла себя эскортницей, потому что врать самой себе было глупо.

Сегодня у неё был «завтрак» с клиентом. Клиента звали Михаил Юрьевич. Ему было за шестьдесят, он владел сетью заправок и имел привычку накладывать еду в тарелку Леры, приговаривая: «Деточка, ты слишком худая, надо кушать».

Лера улыбалась, ела и думала о том, сколько ещё ей придётся сидеть в этом ресторане, прежде чем Михаил Юрьевич перейдёт к делу.

Завибрировал телефон.

— Извините, — сказала Лера, глядя на экран. Незнакомый номер. Город Z.

— Алло, — сказала она, отходя от стола.

— Валерия Андреевна? — голос в трубке был официальным, но с ноткой сочувствия. — Вас беспокоит участковый уполномоченный Бобров из города Z. Ваша бабушка, Галина Петровна Ковалёва, скончалась.

Лера замерла. Её лицо не изменилось. Ни один мускул не дрогнул. Это было профессиональное. Она могла получить любую новость и продолжать улыбаться.

— Поняла, — сказала она. — Когда похороны?

— Тело уже в морге. Нужно приехать для оформления документов.

— Спасибо, — сказала Лера. — Я приеду.

Она отключила телефон, вернулась за стол и села напротив Михаила Юрьевича.

— Что-то случилось? — спросил он, пододвигая к ней тарелку с круассаном.

— Нет, — улыбнулась Лера. — Это по работе. Не обращайте внимания.

Она взяла круассан, откусила и продолжила улыбаться. Но в голове у неё уже работал другой процесс. Квартира. Бабушкина квартира. Пятиэтажка. Старый ремонт. Но своя. Своя. Можно будет переехать, не тратить деньги на аренду. Можно будет... принимать клиентов там. Не в отелях, не в чужих квартирах. У себя.

Она допила кофе и сказала Михаилу Юрьевичу, что сегодня у неё дела, но в следующий раз она обязательно останется подольше.

Михаил Юрьевич расстроился, но кивнул.

Лера вышла из ресторана, поймала такси и сказала:

— До вокзала.

Марина Геннадьевна Ковалёва, дочь Галины Петровны, жила в том же городе Z, в соседней пятиэтажке. Она работала учительницей начальных классов в школе №3. Ей было сорок пять. Она была полноватой, добродушной, с вечно уставшими глазами и тёплой улыбкой, которая появлялась на её лице каждый раз, когда она видела детей.

Своих детей она видела редко. Лера уехала в Москву восемь лет назад и звонила раз в месяц. Семён пропал в своих криптовалютах и появлялся только когда нужны были деньги.

Марина никого не осуждала. Она вообще никого не осуждала. Это было её главное качество и главная проблема.

Она узнала о смерти матери от участкового Боброва, который зашёл к ней домой после того, как не дозвонился.

— Марина Геннадьевна, — сказал Бобров, стоя в дверях её скромной однокомнатной квартиры, где пахло борщом и учебниками. — Соболезную. Галина Петровна скончалась.

Марина не заплакала. Она стояла, сжимая в руках половник, и смотрела на Боброва, как будто он сказал ей что-то на иностранном языке.

— Как? — спросила она.

— Старость, — сказал Бобров. — Сердце. Она просто легла отдохнуть и не проснулась. Это хорошая смерть, Марина Геннадьевна. Тихая.

Марина кивнула.

— Я сейчас, — сказала она. — Я сейчас, я...

Она прошла на кухню, выключила газ под борщом, сняла фартук. Потом села на табуретку и заплакала.

Бобров стоял в коридоре, переминаясь с ноги на ногу. Он не любил женские слёзы.

— Марина Геннадьевна, — сказал он через минуту. — Там ещё такое дело. Завещания нет. Галина Петровна ничего не оставила. Никаких бумаг. Так что наследство будет по закону. Нужно будет собрать всех родственников.

Марина подняла голову.

— Родственников? — переспросила она. — Каких?

— Дети, внуки. Если есть. И ещё... — Бобров замылся. — Там объявился какой-то дальний родственник из Грузии. Говорит, тоже имеет право. Я в этих делах не силен. Вам нужно к юристу обратиться.

Марина вытерла слёзы.

— Юристу? — сказала она. — Зачем?

— Чтобы всё по-честному разделить, — сказал Бобров. — Чтобы никто не обиделся.

Марина посмотрела на него. В её глазах мелькнуло что-то, чего Бобров не мог понять. Не страх. Не жадность. Что-то другое.

— Я позвоню детям, — сказала она. — Пусть приезжают.

Андрей Ковалёв, отец Леры и Семёна, бывший муж Марины, узнал о смерти Галины Петровны от своей сожительницы Зинаиды.

Зинаида увидела сообщение в городском чате. В городе Z все новости распространялись через чат в мессенджере. Кто умер, кто родился, кто вышел замуж, у кого украли велосипед из подъезда — всё это обсуждалось в чате с такой интенсивностью, что местный администратор уже дважды просил участников «соблюдать информационную гигиену».

— Андрей, — сказала Зинаида, тыкая его в бок. — Андрей, тёща твоя, что ли, умерла? Галина Петровна?

Андрей лежал на диване и смотрел телевизор. Ему было пятьдесят. Он был высоким, но с брюшком, с сединой в волосах и с вечным выражением человека, который вот-вот что-то скажет, но пока не решил, что именно.

Он ушёл из семьи, когда Семёну было два месяца. Ушёл за хлебом. Буквально: сказал «я в магазин, за хлебом» и не вернулся. Хлеб он, кстати, купил. Съел его в одиночестве на скамейке в парке, а потом уехал в другой город.

С тех пор прошло двадцать четыре года. Андрей успел сменить три города, пять работ, восемь сожительниц и вернуться обратно в город Z, потому что «здесь всё родное».

— Какая тёща? — переспросил он, не отрываясь от телевизора. — У меня тёщи нет.

— Как это нет? Галина Петровна! Мать Марины! Бабушка твоих детей!

Андрей сел.

— Умерла, говоришь? — сказал он.

— Умерла. В чате пишут. Соседка снизу написала.

Андрей задумался. В его голове, как у Семёна и Леры, тоже заработал механизм. Только он работал медленнее, но с тем же направлением.

— Квартира, — сказал он.

— Что? — переспросила Зинаида.

— Квартира, — повторил Андрей. — У неё же квартира. На Строителей, дом 7. Пятиэтажка. Пятьдесят метров. Если без завещания... — Он замолчал, просчитывая варианты. — Я ведь муж дочери. То есть бывший муж. Но дети — мои. И я... я имею право?

Зинаида посмотрела на него с подозрением.

— Ты что задумал?

— Ничего, — сказал Андрей, вставая с дивана. — Ничего. Просто... надо съездить. Помочь. Похороны организовать. Всё-таки родственники.

Он начал искать свои штаны, которые бросил вчера на стул.

— Ты куда? — спросила Зинаида.

— К бывшей семь, — сказал Андрей. — Надо.

— А как же... — начала Зинаида.

— Потом, — перебил её Андрей. — Всё потом.

Через час он уже сидел в автобусе, с авоськой мандаринов в руке (на поминки) и с выражением человека, который не просто едет на похороны, а едет решать важные вопросы.

Он даже не знал, что его дети уже едут. И что у них другие планы.

Глава 3. Сбор в квартире

Через три дня.

Квартира №47 по улице Строителей, дом 7, подъезд 3.

Дверь была открыта. Участковый Бобров опечатал её после вскрытия, но Марина попросила снять печати «для организации похорон». Бобров подумал и снял. Он был добрым участковым. Может, слишком добрым.

В квартире пахло сыростью, пылью и чем-то сладковатым — тем особым запахом, который остаётся после того, как из дома уходит жизнь. Пирожки на кухне уже выбросили — они покрылись зеленоватым налётом, и Барсик отказывался к ним подходить.

Барсик сидел на подоконнике в комнате и смотрел на дверь. Он ждал. Он не знал, кого именно, но чувствовал, что скоро здесь будет много людей. И эти люди принесут с собой шум, запахи и что-то ещё — что-то, что он не мог определить, но что заставляло его шерсть вставать дыбом.

Первой приехала Марина. Она пришла с сумками — в одной были продукты для номинального ужина, в другой — тряпки и моющие средства.

— Барсик, — сказала она, войдя в квартиру. — Барсик, бедненький. Ты голодный? Кот не ответил. Он только повёл ухом и продолжил смотреть в окно.

Марина прошла на кухню, поставила сумки, открыла холодильник. В холодильнике была банка сметаны, пара яиц, полпачки масла и вчерашний суп. Всё это пахло так, как пахнет холодильник, когда хозяйка не успела его вымыть перед смертью.

Марина выдохнула, закрыла холодильник и начала мыть посуду.

Через час приехал Семён.

Он вошёл в квартиру с чемоданом на колёсиках и рюкзаком за спиной. Он был бледнее обычного, круги под глазами стали ещё темнее. На нём была та же толстовка с капюшоном, но теперь капюшон был натянут на голову, хотя в квартире было тепло.

— Мама? — сказал он, оглядываясь.

— Я на кухне, — ответила Марина.

Семён прошёл на кухню, сел на табуретку, положил рюкзак на пол.

— Привет, — сказал он.

— Привет, сынок, — сказала Марина, вытирая руки. — Ты как?

— Нормально, — сказал Семён. — А ты?

— Нормально, — сказала Марина.

Они помолчали. Это была та пауза, которая возникает между людьми, которые не виделись полгода и не знают, с чего начать разговор.

— Бабушка... — начал Семён.

— Да, — сказала Марина. — Бабушка. Хорошая была. Добрая.

— Квартира... — сказал Семён.

Марина посмотрела на него. Взгляд у неё был усталый, но внимательный.

— Что квартира?

— Ну, — Семён почесал затылок. — Кому достанется?

— Завещания нет, — сказала Марина. — Значит, по закону.

— По какому закону? — спросил Семён, оживляясь.

— Я не знаю, — сказала Марина. — Юрист будет разбираться. Участковый сказал, надо юриста нанять.

— Я найду, — быстро сказал Семён. — Я разберусь.

Марина посмотрела на него. Она хотела сказать что-то о том, что не надо спешить, что бабушку сначала надо похоронить, что есть вещи поважнее. Но она не сказала. Потому что знала — её дети давно живут по другим правилам.

В дверь позвонили.

— Это Лера, наверное, — сказала Марина.

Она пошла открывать.

Лера стояла на пороге. На ней было чёрное платье, строгое, дорогое, с идеальным макияжем и укладкой, которая стоила столько же, сколько Марина получала за месяц работы в школе.

— Привет, мам, — сказала Лера, целуя Марину в щёку.

— Привет, дочка, — сказала Марина.

Лера вошла в квартиру, огляделась. Её лицо не выражало ничего, кроме лёгкого недоумения, как будто она попала в музей, где экспонаты не обновлялись с семидесятых годов.

— Ох, — сказала она, проходя в комнату. — Ох, Боже мой.

Она остановилась перед шифоньером, потом перед ковром с оленями, потом перед люстрой без одной лампочки.

— Мама, — сказала она, оборачиваясь. — Ты это видишь?

— Что именно? — спросила Марина.

— Всё это, — Лера обвела рукой комнату. — Это же... Это же... Это надо выбросить. Всё. Срочно. Пока мы здесь.

— Выбросить? — переспросила Марина. — Это память.

— Мам, это хлам, — сказала Лера. — Бабушка сорок лет здесь ничего не меняла. Это не память, это... это...

Она не договорила. В коридоре послышался шум.

— А это кто? — спросил Семён, выходя из кухни.

В дверях стоял Андрей.

Он был в своём дешёвом кожаном пальто, с авоськой мандаринов в одной руке и с букетом гвоздик в другой. Гвоздики были красные, траурные, но уже увядшие.

— Здравсьте, — сказал Андрей, входя в квартиру. — Ну, я тут... помянуть.

Он поставил мандарины на тумбочку в коридоре и посмотрел на детей.

— Лерочка! — сказал он с наигранной радостью. — Какая ты взрослая!

Лера посмотрела на него холодно, как на клиента, который не заплатил.

— Здравствуй, — сказала она.

— Семён! — Андрей повернулся к сыну. — Вырос-то как! А я тебя в прошлый раз, когда видел, ты...

— Ты меня не видел, — перебил Семён. — Ты ушёл, когда мне два месяца было. Ты меня не видел никогда.

Андрей замялся.

— Ну, так сложилось, — сказал он. — Обстоятельства. Я всё хотел...

— Хлеб принёс? — спросил Семён, глядя на авоську с мандаринами.

— Что? — не понял Андрей.

— Хлеб, — повторил Семён. — Ты же за хлебом ушёл двадцать четыре года назад. Я думал, ты с хлебом вернёшься. А ты с мандаринами. Не понёс, значит.

Повисла тишина.

Марина стояла в дверях кухни, сжимая полотенце. Она смотрела на эту сцену и чувствовала, как в ней поднимается что-то, что она подавляла много лет. Не гнев. Не обиду. Усталость. Огромную, всепоглощающую усталость.

— Дети, — сказала она тихо. — Пожалуйста. Бабушка ещё даже не похоронена. Давайте... давайте сначала похороним. А потом уже... всё остальное.

— Мам, — сказала Лера. — Мы же не спорим. Мы просто... общаемся.

— Вы общаетесь, — сказала Марина. — Я слышу.

Она ушла на кухню и закрыла за собой дверь.

Семён и Лера переглянулись. Андрей стоял посреди коридора, переминаясь с ноги на ногу.

— Ну, я, может, присяду? — спросил он.

— Присядь, — сказал Семён. — Вон, на диван. Только пружины не сломай.

Андрей прошёл в комнату, сел на диван. Пружины жалобно скрипнули. Барсик, сидевший на подоконнике, посмотрел на Андрея с выражением глубокого презрения.

— А это Барсик? — спросил Андрей, пытаясь погладить кота.

Барсик отодвинулся.

— Барсик, — сказал Андрей. — Я тебя помню. Ты ещё котёнком был, когда я...

— Ты никого не помнишь, — сказал Семён из кухни.

Андрей вздохнул.

На лестничной клетке послышались шаги. Тяжёлые, уверенные, с акцентом, который чувствовался даже в походке.

В дверь постучали. Не позвонили — именно постучали. Три раза. Громко, весомо.

Лера открыла дверь.

На пороге стоял мужчина. Ему было лет пятьдесят, но выглядел он на сорок. Высокий, плотный, с густыми чёрными усами и пронзительными тёмными глазами. Он был одет в дорожной тёмно-синий костюм, белую рубашку без галстука и ботинки, которые, судя по блеску, чистили сегодня утром. В руках он держал кожаный портфель и небольшой чемодан на колёсиках.

— Здравствуйте, — сказал он голосом, в котором кавказская певучесть смешивалась с московской деловитостью. — Я ищу Марину Геннадьевну. Я — Атар Амвросевич. Дальний родственник. Приехал выразить соболезнования.

Лера оглядела его с головы до ног. За секунду она оценила костюм (Brióni, последняя коллекция), часы (Patek Philippe, не подделка), обувь (итальянская ручная работа). В её голове щёлкнул профессиональный счётчик: «Состоятельный. Очень. Что ему нужно в этой конуре?»

— Марина на кухне, — сказала она, отступая в сторону. — Проходите.

Атар вошёл в квартиру. Он шёл медленно, оглядываясь, как будто изучал помещение. Его взгляд задержался на коридоре, потом на кухне, потом — чуть дольше, чем следовало — на комнате. На шифоньере.

— Да, — сказал он тихо, почти про себя. — Да-да.

— Что? — спросил Семён, выходя из кухни.

— Ничего, — сказал Атар, улыбнувшись широкой, гостеприимной улыбкой. — Ничего. Просто вспомнил... как давно я здесь не был.

Марина вышла из кухни, вытирая руки.

— Здравствуйте, — сказала она, глядя на Атара с недоумением. — А вы, простите, кто?

— Атар Амвросевич, — повторил он, протягивая ей руку. — Я сын Амвросия, который был двоюродным братом вашего дедушки. То есть... — Он замаялся, подсчитывая в уме. — Мы с вами троюродные... В общем, родственники. Дальние, но родственники.

— Я не знала, — сказала Марина. — Мама никогда не говорила о родственниках из Грузии.

— О, это старая история, — сказал Атар, проходя в комнату. — Очень старая. Ваша мама, Галина Петровна, она была... как это сказать... скромная. Не любила хвастаться.

— Хвастаться чем? — спросил Семён.

Атар посмотрел на него. Взгляд его был спокойным, но цепким.

— Своими корнями, — сказал он. — Она происходила из очень... очень интересной семьи.

Он прошёл к окну, остановился рядом с шифоньером. Барсик, сидевший на подоконнике, напрягся. Кот смотрел на Атара так, как смотрит часовой на нарушителя границы.

— Хороший кот, — сказал Атар, делая шаг к шифоньеру.

Барсик зашипел. Громко, зло, с такой интонацией, которую в этом доме слышали только тогда, когда ветеринар пытался сделать укол.

Атар остановился.

— Осторожный, — сказал он. — Верный. Это хорошо.

— Он не любит чужих, — сказала Марина. — Вы лучше пройдите на кухню. Я чай поставлю.

Атар кивнул, но не двинулся с места. Он смотрел на шифоньер. Смотрел так, как смотрят на картину в музее, когда знают, что это не просто картина, а холст, под которым спрятано ещё одно полотно.

— Спасибо, — сказал он наконец. — С удовольствием.

Он развернулся и пошёл на кухню, но перед тем как выйти из комнаты, бросил быстрый взгляд на Антонину Петровну, которая сидела на скамейке у подъезда. Он её ещё не видел, но чувствовал, что она скоро появится.

Глава 4. Та, которая знает

Антонина Петровна, сестра Галины Петровны, приехала на такси.

Она не пользовалась электричками. Она вообще не пользовалась общественным транспортом, потому что считала это «ниже своего достоинства». Откуда у неё было это чувство достоинства при пенсии в 11 500 рублей — вопрос, на который не могла ответить даже она сама. Но оно было. И оно проявлялось во всём: в том, как она держала спину, как складывала руки на коленях, как говорила «здрасьте» продавщице в магазине — с такой интонацией, будто продавщица была её личной горничной.

Антонине Петровне было семьдесят два. Она была ниже сестры, суше, острее. В ней не было той округлой мягкости, которая отличала Галину Петровну. Антонина Петровна была сделана из костей, сухожилий и невысказанных претензий.

Она вошла в подъезд, поднялась на пятый этаж (лифта в доме не было, что её бесило), и остановилась перед открытой дверью.

В квартире шумели. Голоса, звуки посуды, чей-то смех.

— Смеются, — сказала она вслух. — У сестры труп в морге, а они смеются.

Она вошла.

Первым её увидел Андрей. Он сидел на диване и пил чай из бабушкиной чашки с золотым ободком.

— Антонина Петровна! — воскликнул он, вскакивая. — Какая встреча!

— Сядь, — сказала Антонина Петровна. — Не мельтеши.

Она прошла в комнату, остановилась посередине и оглядела всех.

Марина на кухне. Семён у окна. Лера в кресле. Андрей на диване. И ещё один мужчина — незнакомый, в дорогом костюме, стоял у входа в кухню с чашкой чая в руках.

— Это кто? — спросила Антонина Петровна, кивнув на Атару.

— Атар Амвросевич, — представился Атар, делая шаг вперёд. — Дальний родственник.

— Дальний? — переспросила Антонина Петровна, сузив глаза. — Насколько дальний?

— Настолько, что вы обо мне не слышали, — улыбнулся Атар. — Но я приехал выразить соболезнования.

Антонина Петровна смотрела на него. Смотрела долго, пристально, так, как смотрит врач на рентгеновский снимок, пытаясь найти затемнение.

— Из Грузии? — спросила она.

— Да, — сказал Атар. — Из Тбилиси.

— Откуда вы знали, что Галя умерла?

Атар сделал глоток чая, не торопясь с ответом.

— У меня есть знакомые в этом городе, — сказал он наконец. — Мне сообщили.

— Знакомые, — повторила Антонина Петровна. — Сообщили.

Она подошла к шифоньеру. Барсик, сидевший на подоконнике, посмотрел на неё, но не зашипел. Кот узнавал её. Антонина Петровна была здесь раньше. Много раз. Она приезжала к сестре раз в год, всегда неожиданно, всегда с претензиями.

— Завещание? — спросила она, не оборачиваясь.

— Нет, — сказала Марина с кухни. — Мама не оставила.

— Дура, — сказала Антонина Петровна. — Я ей говорила. Я ей сто раз говорила: «Галя, оформи бумаги, пока не поздно». А она: «Успеется, успеется». Вот и успелась.

Она повернулась к Марине.

— Ты юриста наняла?

— Пока нет, — сказала Марина. — Мы только...

— Нанимай, — перебила Антонина Петровна. — И смотри в оба. Здесь, — она кивнула в сторону Атара, — могут быть люди, которым от этой квартиры что-то нужно.

Атар улыбнулся. Улыбка его была спокойной, даже добродушной, но глаза оставались холодными.

— Антонина Петровна, — сказал он. — Вы меня обижаете. Я приехал выразить соболезнования. И, возможно, помочь.

— Помочь? — Антонина Петровна усмехнулась. — Чем помочь? Квартиру поделить? Или, может, что-то другое поискать?

Повисла тишина.

Семён переглянулся с Лерой. Андрей замер с чашкой у рта. Марина выключила газ и вышла из кухни.

— Что искать? — спросил Семён.

— Ничего, — быстро сказала Антонина Петровна. — Ничего. Язык без костей.

Она прошла к столу, села на табуретку, сложила руки на коленях.

— Подавайте поминать, — сказала она. — Тело подождёт. Душа — нет.

Все задвигались. Марина начала ставить на стол. Лера помогала, хотя делала это с таким видом, будто прикасается к чему-то заразному. Семён достал из шкафа стопки. Андрей открыл мандарины.

Атар стоял у окна, глядя на шифоньер. Антонина Петровна сидела за столом, глядя на Атара.

Барсик спрыгнул с подоконника, прошёл на кухню, съел кусочек колбасы, который ему бросила Марина, и вернулся в комнату. Он лёг на диван, на то самое место, где два дня назад лежала Галина Петровна, и закрыл глаза.

Он знал. Он знал, что эти люди пришли не за тем, за чем говорят. Он знал, что в этой квартире есть что-то, что они ищут. И он знал, что не пустит их туда, куда не надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.